

записывались бытовая речь с членами семьи и спонтанные рассказы. Выбирая тему, Традгил просил рассказать смешной эпизод из жизни — это способствовало спонтанности речи. Было выбрано 16 разных языковых переменных (3 согласные и 13 гласных). Ниже приводится пример только одной из них: употребление звука [ng] по сравнению с [n] в словах типа *seeing/seein'*. Цифры в таблице — процент произнесения звука [ng].

Группа	Чтение списка слов	Чтение связного текста	Формальный разговор	Неформальный разговор
MM	100	100	95	70
LM	100	90	80	60
UW	100	80	20	17
MW	95	60	10	4
LW	70	40	5	0

Эксперимент подтверждает предположение о различии произношения в зависимости от двух переменных: 1) от принадлежности испытуемого к тому или иному социально-экономическому классу, 2) от стиля речи. В данном фрагменте исследования выяснилось, что в речи представителей более образованных и богатых классов [ng] звучит чаще, чем [n]; у представителей низших классов чаще встречается [n], чем [ng]. Эксперимент также подтверждает зависимость того или иного типа произношения от степени внимания говорящего, т. е. от стиля речи: от чтения списков слов к бытовому разговору частотность [ng] заметно падает у всех групп. Для «среднего класса» (MM и LM) основная граница проходит между бытовой и формальной речью, для «рабочего класса» (UW, MW и LW) — между формальной речью и чтением. Иначе говоря, «средний класс» чувствителен к различным степеням формальности коммуникативной ситуации, в то время как «рабочий класс» — к переходу от устной коммуникации к пись-

менной, от разговорной речи — к чтению; это естественно, поскольку нормативное произношение [ng] они осваивали в школе.

ГЕНДЕРНЫЕ РАЗЛИЧИЯ В ЯЗЫКЕ

Тема «язык и пол» в последнее время активно разрабатывается, в основном в зарубежной лингвистике⁵. В современной литературе принят термин *гендерные различия*: понятие *гендер* шире, чем понятие *пол*, и включает комплекс социальных, культурных и психологических явлений, связанных с полом.

Одной из первых работ в этой области считается книга американской исследовательницы Р. Лакофф «Язык и место женщины» (Lakoff 1975). Согласно Р. Лакофф, существуют следующие основные отличия женского варианта языка от мужского: женщины 1) используют слова, которые мужчины не используют (*mauve* ‘розово-лиловатый’); 2) используют больше «пустых» оценочных прилагательных (*sweet, divine, cute*); 3) используют вопросительные формы (в том числе *tag questions*) там, где мужчины используют утвердительные; 4) чаще используют вежливые формы; 5) женщины чаще используют формы, выражющие неуверенность (*well, you know, I guess, I wonder, I think*); 6) чаще используют усилители (*so nice, very nice, really charming*); 7) используют гиперкорректную грамматику. Более поздние исследования не всегда подтверждают эти наблюдения; не исключено, что во многих случаях мы имеем дело не с реальностью, а со стереотипом.

Гендерные противопоставления по-разному проявляются в языках мира. Попытка их систематизации предпринята, например, в работе Дж. Шерцер (Sherzer 1995; см.

⁵ Подробную библиографию см.: *Linguistics* 1995: 96–99; см. также: *Sociolinguistics Reader* 1998 (Vol. 2, sect. 1. «Gender»).

также обзор: Philips 1980); нужно учесть, что приводимые ниже типы не являются взаимоисключающими.

1) **Обязательные различия по признаку мужское/женское в языке.** Речь идет об обязательном различении двух вариантов одного языка — мужского и женского (чаще всего это различие заметно на фонетическом и/или морфологическом уровнях). Один из самых известных примеров (см. также пример с языком коасати в сн. 1 данной главы) — язык островных карибов в Центральной Америке. Когда европейцы впервые оказались на Малых Антильских островах, они заметили, что мужчины и женщины говорят «на разных языках»: отличалась часть лексики (корней), а также несколько грамматических показателей. При обращении к мужчине всегда использовался «мужской вариант», при обращении к женщине — «женский». В сообщениях XVII века отмечается, что нарушение установившихся норм считалось серьезным преступлением (см. подробнее: Hoff 1994). Местные жители еще в XVII веке объясняли существование двух вариантов языка следующим образом. Когда карибы впервые завоевали Малые Антильские острова (они не являются коренным населением этой части архипелага), там жили индейцы Аравак. Карибы убили всех мужчин, но оставили в живых женщин. Женщины и дети продолжали говорить на своем родном языке. Мужчины-карибы через некоторое время освоили этот язык и даже перешли на него, но в качестве отличительного «мужского признака» инкорпорировали в него некоторые карибские элементы. В результате языки, принадлежащие к двум разным группам, отчасти смешались (только в речи мужчин). По всей вероятности, это легенда.

Для объяснения этого и подобных феноменов выдвигалась гипотеза табу. Когда мужчины выходили на тропу войны, им, возможно, предписывалось использовать некоторый набор «мужских» слов. Женщинам и детям при этом запрещалось произносить некоторые слова, которые могли «предупредить врагов», «привлечь духов» или «отпугнуть добычу», — в противном случае удача отверну-

лась бы от воинов и охотников. Фактор табу мог оказывать влияние на дифференциацию языка в зависимости от пола. Эта гипотеза применительно к карибам не подтверждается (хотя напрямую и не опровергается) историческими фактами, однако находит достаточно много типологических параллелей.

Пример языка, в котором система табу является причиной появления различий по признаку пола, — зулусский. Зулусская замужняя женщина не могла произносить вслух имена отца и братьев мужа. В некоторых случаях ей запрещалось произносить звуки, которые могли как-то ассоциироваться с табуированными именами, т. е. женщина не имела права произнести любое, даже самое распространенное слово, если оно содержало характерный звук, входящий в имена родственников-мужчин. Такая система табу вполне могла бы привести к появлению различных вариантов языка, разделенных по признаку пола.

Однако надо заметить, что при всей привлекательности гипотезы табу она не может объяснить все случаи языковых различий по признаку пола: прежде всего, не вполне ясны те механизмы, которые приводят от табу, ограниченных по времени (на охоте, на войне и т. п.) или по социальной группе (только жены охотников и т. п.), к табу, распространяющемуся на постоянное речевое поведение всей языковой общности.

Еще один пример дифференциации по признаку пола — системы личных местоимений. Так, в русском, английском и многих других языках дифференциация по признаку пола проявляется в местоимениях только 3-го лица и только в единственном числе: он — она, но они; *he*, *she*, но *they*. Во французском такая дифференциация обнаруживается и во множественном числе: *ils* — *elles*. В финском языке и в 3-м лице единственного числа личное местоимение не дифференцировано по полу: *han*. В некоторых языках по полу дифференцированы и местоимения 2-го и 1-го лица: так, в тайском языке в вежливой беседе людей с равным статусом мужчина скажет о себе *phom*, а женщина — *dichan*.

2) Разные речевые стили у мужчин и женщин. В данном случае под *стилем* понимается комплекс лингвистических черт — фонетических, ритмических, интонационных, морфологических, синтаксических, лексических, которые ассоциируются с мужским или женским речевым поведением. Женщины могут говорить быстрее или медленнее, больше или меньше, образнее или проще, чем мужчины. Женщины могут «глотать» окончания, а мужчины нет, или наоборот. Женщины (или соответственно мужчины) могут говорить с особой интонацией и т. п.⁶

Необходимо отметить, что, как это нередко бывает, культурные нормы, запечатленные в сознании членов социума, могут не совпадать с реальной практикой. Применительно к рассматриваемой проблеме не так важно, существуют ли на самом деле в конкретном обществе такие различия речи мужчин и женщин; существеннее то, что в этом обществе существует *убеждение*, что женщины и мужчины говорят по-разному. Например, носители русского языка, возможно, скажут, что женщины говорят больше и быстрее мужчин, — но это не обязательно будет подтверждено статистически.

3) Разные принципы организации речевого поведения. Исследования показали, что мужчины и женщины по-разному ведут себя во время разговора, по-разному используют язык в процессе беседы. В таких исследованиях обычно подсчитывается число «отвлечений» от главной темы разговора, переход с одной темы на другую, неожиданные обращения к другому собеседнику, перебивание собеседника и т. д. Сюда же можно отнести и различия в частотности употребления некоторых лингвистических черт. Употребление некоторых фонетических, морфологических, синтаксических и лексических черт в мужской и женской речи, по данным статистического анализа, оказывается значимым (при этом в отличие от ситуации, описан-

⁶ Об особенностях мужской и женской речи в русском языке см.: Земская и др. 1990.

ной в предыдущем пункте, члены социума могут быть уверены, что «все говорят одинаково»).

Так, установлено, что англоязычные женщины в большей мере проявляют тенденцию задавать вопросы, поддерживать диалог, выражать солидарность с собеседником, часто стимулируют, поддерживают беседу в виде минимальных ответов (ср. русские междометия такого типа — «м-м-м», «угу» и т. п.). Мужчины, напротив, часто прерывают собеседника, склонны не соглашаться с партнером, игнорировать высказывания собеседников, более жестко контролируют тему разговора, склонны к прямому выражению мнения. Женщины избегают открытого соперничества в диалоге на уровне речи (их соперничество, как правило, более скрытое), ждут знаков одобрения и поддержки в виде кивков, междометий, сами проявляют знаки интереса и внимания (см.: Карасик 2002: 56–57). Корни этих различий лежат в несходстве воспитания, базовых ориентиров поведения мальчиков и девочек.

П. Традгилл (Trudgill 1995 [1974]) показывает, какие варианты произношения выбирают мужчины и женщины в англоязычных странах по параметру «престижность/непрестижность». В среднем есть устойчивая тенденция к тому, что женщины выбирают более престижный вариант произношения. Очевидно, это также связано со стереотипами женского и мужского поведения, существующими в данной культуре.

Д. Таннен (Tannen 1982: 224–225) приводит данные об эксперименте, который она проводила, чтобы выявить склонность трех групп (американцы, американские греки, греки из Греции) и двух полов к интерпретации речи как прямой (имеющей прямой, однозначный смысл) или непрямой (имеющей второй, дополнительный смысл). Испытуемые получали следующее задание.

Давался текст: семейная пара ведет разговор:

Жена: У Джона вечеринка. Хочешь пойти?

Муж: ОК.

Жена: Я позвоню и скажу, что мы будем.

На основании этого разговора отметьте одно из двух предложений, которое, по вашему мнению, объясняет, что на самом деле имел в виду муж, говоря *OK*:

А: Жена хочет туда пойти, раз спрашивает. Пойду, чтобы сделать ей приятное.

Б: Жена спрашивает, хочу ли я туда пойти. Пожалуй, хочу, скажу «да».

Что в словах жены и мужа заставляет вас выбрать один из предложенных вариантов? Что должны были бы сказать жена или муж, чтобы вы выбрали другой вариант?

Эксперимент показал, что отличия по этническим группам существуют.

Пол	Выбор варианта А, %		
	Греки из Греции	Американские греки	Американцы
Мужчины	50	44	27
Женщины	47	43	36

Таким образом, американские женщины значительно чаще американских мужчин ищут второй смысл в словах собеседника.

4) **Выбор языка мужчинами и женщинами в ситуациях многоязычия и двуязычия.** Мужчины и женщины по-разному ведут себя в ситуациях многоязычия и двуязычия. Мужчины более активно вовлечены в двуязычие — из-за их активности в торговле, охоте, других занятиях, заставляющих их выходить из дома. Так, в пограничном районе Австрии, где часть населения двуязычна и где есть и мужчины и женщины, которые говорят и по-немецки и по-венгерски, мужчины предпочитают венгерский язык, а женщины — немецкий как более престижный (подробнее см.: Gal 1978b). Впрочем, отмечены случаи, когда, наоборот, женщины более активно используют оба языка, а также более сложные ситуации двуязычия.

5) **Гендерное распределение «жанров» и ролей в разговоре.** Дж. Шерцер (Sherzer 1995) отмечает, что среди ин-

дейцев Куна, живущих на территории Панамы, чисто мужские жанры — это всякого рода публичные выступления, рассказывание племенных мифов, магические песнопения; женские жанры — пение колыбельных песен, плачи.

6) **Выбор мужчинами и женщинами различных моделей речевого поведения.** В качестве примера часто приводят малагасийское общество, в котором существуют две такие модели — прямая и непрямая речь. Прямая речь свойственна скорее женщинам и используется в торговых отношениях, в которые там вовлечены в основном женщины. Непрямая речь ассоциируется с публичными выступлениями, т. е. с политикой, другими сферами, где проявляется социальная активность, что характерно главным образом для мужчин.

Так обстоит дело с реализацией признака мужской/женский в разных языках. При этом подразумевается, что общество отводит мужчинам и женщинам разные социальные роли. Однако эти роли с течением времени могут меняться, причем языковые изменения обычно отстают от изменения социальных ролей. Когда социальные роли или общественные стереотипы приходят в противоречие с языковыми нормами, люди начинают сознательно ломать языковые формулы, ориентирующие человека на стереотипы, основанные на гендерной дифференциации и дискриминации по признаку пола. Отсюда «изгнание» фактически десемантизованного суффикса *-man* в словах наподобие *chairman* «председатель» и *snowman* «снеговик» и превращение этих слов соответственно в *chair person* и *snow person*; отсюда принятые в сегодняшней письменной норме английского языка «сложные местоимения» в случаях типа «When a child acquires a language, *he/she* (вариант: *s/he*) first learns only one variety of it» (букв. ‘Когда ребенок осваивает язык, он/она вначале выучивает только один его вариант’) — или даже употребление в подобных случаях местоимения *she*. Нередко, однако, такое «уравнивание прав» оказывается невозможным по чисто лингвистическим причинам. Так, для русского языка характерно «согласование по форме»,

поэтому нейтральный способ обозначения (наподобие приведенного выше примера) и тем более употребление местоимения женского рода оказываются не просто неуклюжими, но и грамматически неправильными.

Итак, мужчины и женщины говорят по-разному, и эти варианты не зависят от ситуации: почти не существует «женских ситуаций» и «мужских ситуаций», когда один и тот же человек выбирал бы тот или иной вариант по своему желанию. Женщина говорит иначе, чем мужчина, и слушающий умеет отличать речь женщин от речи мужчин не только по тембру голоса. Это становится особенно заметно, когда правила нарушаются (ср. типичные персонажи комедийных фильмов — мужчин, говорящих «по-женски», и наоборот).

Анализ функционирования различных языков указывает на то, что женщины в своей речевой практике, как правило, более консервативны, чем мужчины: обычно все инновации попадают в язык через мужскую речь. Как следствие, женские формы по происхождению обычно более старые, чем мужские: языковые изменения происходят прежде всего в речи мужчин. Так, в чукотском языке в некоторых диалектах интервокальные согласные сохраняются в речи женщин, но регулярно выпадают в речи мужчин: мужской вариант — анк'аат, — женский вариант — анк'анат 'эти'.

Изучение гендерных различий в речи — бурно развивающаяся область количественных исследований в социолингвистике, хотя были и попытки отрицать то, что гендерные различия в речи могут рассматриваться как объективные социальные переменные. Некоторые исследователи отстаивают точку зрения, согласно которой людей нельзя рассматривать как речевые прототипы их половой группы и следует скорее говорить не о женской и мужской речи, а о степени «женственности» и степени «мужественности» в речи индивида.

Социолингвистическое исследование предполагает работу с социально-демографическими категориями, однако к самим этим категориям следует относиться с осторожностью.

стю. Социально-демографические категории могут легко оказаться мифом, предрассудком или ошибкой, поэтому использовать некритически даже такие, казалось бы, очевидные категории, как пол, не следует. Как раз наоборот: исследования должны быть направлены на сам процесс конструирования этих категорий: эти категории постоянно конструируются, создаются и воссоздаются и самими членами группы, и теми, кто находится вне ее, причем создаются во многом именно в процессе речевого взаимодействия (Coupland et al. 1991: 54–55).

ЯЗЫК И ВОЗРАСТ

Для любого носителя языка очевидно, что пожилые люди говорят иначе, чем молодые. Е. Д. Поливанов упоминает употребление на письме (не в устной речи!) ея в родительном падеже в отличие от её в винительном (в 1920-е годы) именно как признак «старого» языка, т. е. языка уходящего поколения, в отличие от речи молодежи. Он же пишет о «новом» послереволюционном языке: «Не что иное, как именно словарь, делает язык нынешнего молодого (комсомольского) поколения языком непонятным для обывателя с языковым мышлением 1913 года» (Поливанов 1968: 229) — и выписывает полстраницы таких слов и выражений из книги А. М. Селищева (Там же: 206). Характеризуя «комсомольский язык» 1920-х годов, Поливанов пишет о нем, как о другом языке по сравнению с предвоенным, и добавляет, что, не будь революции, таких громадных изменений мы бы не наблюдали (Там же: 207)⁷.

Однако можно ли называть эти различия возрастными? Язык меняется постоянно (хотя его изменения в эпоху бурных социальных изменений, конечно же, более замет-

⁷ О сохранении этого «старого» языка в речи эмигрантов см.: Грановская 1995; Земская 2001.

ны), и каждое следующее поколение, получая от родителей язык в одной форме, передает его своим детям несколько (или значительно, как в эпохи ломки) измененным — что и составляет процесс языкового изменения и развития. Эти изменения в языке можно определить как *поколенческие*.

Поколенческие различия существуют всегда. В нормально развивающемся языке, опирающемся на языки трех поколений, «стандарт» определяется с ориентацией на среднее поколение: именно оно является носителем того варианта языка, который в данном обществе принимается за норму. В речи молодого поколения всегда больше инноваций, в речи старшего — больше слов, выходящих из употребления. В периоды резких социальных изменений норма смещается. В эпоху революций начала XX века в русском языке происходили, видимо, два противоположных процесса: в Советской России норма ориентировалась на инновационный язык молодых, в эмиграции — на консервативный язык старшего поколения (см.: Гравовская 1995).

Довольно много работ посвящено исследованию «молодежного жаргона». Выделяют несколько разновидностей молодежного жаргона: школьный, рабочий, студенческий. В статье «Социолингвистические аспекты изучения современного русского языка» Л. П. Крысин пишет, что лингвистическая сущность всех этих разновидностей одна и та же: игра со словом и в слово, метафоризация словесных значений с целью создания экспрессивных, эмоционально окрашенных средств языкового выражения (Крысин 1989а: 76). Люди, владеющие молодежным жаргоном, двуязычны: в своей среде они пользуются жаргонными средствами, в общении с «посторонними», в официальных и нейтральных ситуациях переходят на стандартный язык. Далее Л. П. Крысин отмечает, что появление молодежного жаргона не вызвано особой необходимости: все понятия можно выразить и средствами стандартного языка, и молодежный жаргон имеет, следовательно, лишь экспрессивную функцию. Это утверждение нуждается в коммен-

тации. Ведь и экспрессивных средств в стандартном языке более чем достаточно — зачем же вводить дополнительные жаргонные средства? Создатели и пользователи жаргона расширяют и развивают другую языковую функцию — функцию (само)идентификации, конструируют языковые границы, которые помогают им поддерживать свое самознание как членов отдельной группы.

Итак, речь людей зависит от возраста: язык старшего поколения более консервативен, в речи пожилых людей больше слов, выходящих из употребления, грамматические и лексические инновации свойственны детям и молодежи, стандарт — людям среднего возраста.

Однако характеристики речевых практик людей разных возрастных групп не исчерпываются описанными выше поколенческими различиями. Так, в современной европейской культуре пожилым свойственна речь более спокойная и степенная, чем молодым. То же верно для инноваций: в каждом поколении инновации свои, свойственные данному поколению, однако тот факт, что в речи молодых инноваций всегда больше, не зависит от года рождения. В речи каждого следующего молодого поколения есть неологизмы, свойственные речи определенных возрастных групп. Для речи конкретного поколения характерны свои неологизмы. В периоды коренной ломки социальной и политической структуры (например, в 1920-е, 1990-е годы) таких неологизмов, естественно, больше, в спокойные периоды — меньше, но они есть всегда, и всегда — в речи молодых.

Такие различия в речи молодых и пожилых, которые не сводятся к поколенческим, можно определить как *возрастные*.

Основное внимание в социолингвистических исследованиях последних десятилетий, в которых вообще упоминался возраст, уделялось речи детей. Эта проблематика лежит на стыке социолингвистики и психолингвистики и, строго говоря, не входит в область наших интересов (см.: Лепская 1994; Цейтлин 2000). Один из пионеров этих исследований — Р. О. Якобсон обратил внимание на то, что

процесс становления речи ребенка в онтогенезе и процесс утраты речи при афазии подчиняются одним и тем же законам: чем раньше усвоено, тем лучше сохраняется, и наоборот. Это позволило Р. О. Якобсону высказать идею, что язык необходимо изучать во всех его живых проявлениях: язык в действии, язык в становлении и язык в состоянии распада (Jakobson 1955; Jakobson 1962; Якобсон 1972)⁸.

Исследователей детской речи интересуют следующие проблемы. Прежде всего, это онтогенез языковой компетенции (*competence*), т. е. модели освоения ребенком умений, связанных с овладением социальными правилами коммуникации. Овладение правилами коммуникации вообще и социальными правилами в частности происходит в игре. Игра, обычно между ребенком и матерью, — это основная область взаимодействия в раннем возрасте. «Следствием игры является привлечение внимания ребенка к самому общению как таковому и к структуре актов, в которых общение протекает» (Брунер 1984: 35). Осваивая язык, дети одновременно узнают формы предложений (грамматику), слова и социальные правила употребления этих слов. Примерно с двух лет ребенок обнаруживает, что он говорит, и начинает задумываться, как говорит он и как говорят другие. Социальные аспекты языка начинают формироваться примерно с 12 лет.

Другой важной (и тесно связанной с первой) проблемой является исследование процессов социализации: процесс освоения ребенком социальных правил общения, речевого этикета (ср.: Schieffelin, Ochs 1986; материал русского языка см.: Наумова 1975; Багичева 1990), а также усвоение языка в условиях многоязычия.

Еще одна проблема — изучение особого регистра, на котором взрослые говорят с маленькими детьми, так называемый регистр общения с детьми (*baby-talk*) (прежде всего см.: Фергюсон 1975; Ferguson 1978; анализ русского материала см.: Гаврилова 2002).

⁸ См. также обзор, посвященный этой теме: Лепская 1994: 82–89.

Только в последние годы в социолингвистике возникла тенденция уделять все больше внимания языку пожилых (подробнее см.: Coupland et al. 1991). Одна из причин этого — общее старение населения в развитых странах. Так, на 1980 год в Великобритании 11.3 % населения было старше 65 лет; к 2030 году, по прогнозам демографов, эта цифра вырастет до 18.3 %, т. е. возраст примерно каждого пятого англичанина превысит пенсионный рубеж. Естественно, это повлечет за собой изменения в структуре семьи, общества и, следовательно, изменения в социальной коммуникации.

Несмотря на это, до недавнего времени пожилые по разным причинам оставались за пределами интересов социолингвистики. В той мере, в какой социолингвистика интересовалась этими проблемами, они рассматривались с двух теоретических позиций. Во-первых, с позиции диахронической (взгляд на изменения во времени — т. е. отношение к пожилым как к некоторой переходной группе, не стабильной и не самостоятельной) и, во-вторых, с позиции неизбежного упадка (*decrement*), разрушения речи пожилых. Другими словами, социолингвистика интересовалась речью пожилых главным образом постольку, поскольку в ней проявлялись различные возрастные *нарушения*. При этом речь пожилых почти не рассматривалась как вариант нормы: исследования возрастных речевых нарушений затемняли тот факт, что далеко не все возрастные характеристики связаны с этими нарушениями.

Обнаружив в речи пожилых стабильные речевые характеристики, можно обратиться к одной из трех интерпретаций. Во-первых, можно предположить, что для объяснения этих характеристик достаточно самого факта, что речь идет о пожилых людях. Это — обращение к *внутренним причинам*. Во-вторых, можно объяснять эти отличия тем, что речь пожилых, не изменяясь с течением их взрослой жизни, сохранила или почти сохранила предыдущее состояние языка. Это — *исторические причины*. Наконец, третий подход — *объяснения через среду* — применяется при исследованиях речи двуязычных пожилых людей для

объяснения того эмпирического факта, что многие билингвы с возрастом постепенно переходят обратно на свой первый язык.

В социолингвистической литературе языковые признаки нормального старения чаще всего описываются через оценку языковой компетенции; основное внимание уделяется тем аспектам языка, которые демонстрируют упадок речевых способностей пожилых людей. Исследователи стремятся показать, что пожилые люди теряют, утрачивают какие-то речевые способности и навыки, которые были им свойственны, когда они были моложе.

Одна группа исследований посвящена акустическим признакам голоса пожилых говорящих. Эти исследования показали, что «старый голос» легко отличается от «молодого». Голос человека старше 65 отличается от голоса человека младше 35 не только по манере произношения, например, гласных, но и по особым дополнительным шумам, которые возникают из-за возрастных нарушений работы речевого аппарата. Другие работы демонстрируют, что с возрастом люди утрачивают ряд умений — например способность воспринимать или завершать высказывания, в особенности со сложной структурой. Эта потеря происходит постепенно, линейно и становится заметной к 70 годам. Для группы, которая в англоязычной литературе называется *old old* (возраст свыше 77 лет, в отличие от *young old* — возраст от 64 до 76 лет), зафиксировано заметное снижение способности к пониманию, воспроизведству и запоминанию речи. При этом грамматика языка сохраняется у пожилых людей практически полностью.

Подобные исследования проводить достаточно сложно, и прежде всего потому, что не всегда ясно, что именно мы измеряем — языковые способности или индивидуальные медико-психологические особенности.

Исследования возможного воздействия возраста на способность коммуникации исключительно сложны, поскольку эти воздействия, когда они есть, обычно трудно различимы и большая часть результатов подвергается воздействию со стороны

индивидуальных характеристик испытуемого: его развитости, уровня образования, биографии, мотивации, состояния органов чувств, умственного состояния и самочувствия. Мало кто из исследователей смог удержать под контролем все эти переменные так, чтобы результаты были убедительны (Bayles, Kaszniak 1987, — цит. по: Coupland et al. 1991: 11).

Кроме того, даже если перед нами «нормальный» (т. е. здоровый) пожилой человек, то и здесь многие эксперименты, доказывающие, что в его речи есть возрастные нарушения нормы, опираются при этом на норму, установленную по речи среднего поколения. Этот подход в литературе называют «дефицитным» (Там же: 1–24): он заведомо предполагает, что упадок и разрушение речи в пожилом возрасте — норма; однако это следствие самого исходного теоретического постулата, а не экспериментов.

Еще одна распространенная модель описания особенностей речи пожилых — это «второе детство». Согласно этому подходу, речь пожилых чем дальше, тем больше сближается с детской речью. В полном соответствии с идеями Р. О. Якобсона, первыми утрачиваются те сложные синтаксические структуры, которые ребенок когда-то усвоил последними. Эта модель также лежит в пределах распространенного в обществе стереотипа, согласно которому пожилые люди и дети «чем-то похожи».

«Дефицитный» подход к проблеме может оказаться одним из проявлений культурного предубеждения (стереотипа).

Еще один подход к исследованию возрастных речевых особенностей — так называемый вторичный регистр общения с детьми (*secondary baby-talk*) — т. е. речь молодых и людей средних лет, обращенная к пожилым. Исследовалась речь медицинского персонала в доме для престарелых, обращенная друг к другу и к пожилым обитателям дома. Выяснилось, что в разговоре с пожилыми персонал использует больше вопросов и повторений, говорит гораздо более короткими фразами и, следовательно, пользуется более простым синтаксисом. Речь молодых, обращенная к пожи-

лым, по некоторым характеристикам неотличима от речи взрослых, обращенной к детям, и демонстрирует использование определенного регистра речи, направленного на упрощение коммуникации. Другими словами, особенности речи зависят не только от возраста говорящего, но и от возраста слушающего: с детьми или с пожилыми говорят иначе, чем с «обычными взрослыми».

Возрастные характеристики речи сегодня только начинают изучать. Работ мало, и это преимущественно описания конкретных экспериментов; теоретических или обзорных работ почти нет, поскольку неясны многие вопросы методики исследования.

РЕКОМЕНДУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

Основная литература

- Бок Ф. К. Структура общества и структура языка // Новое в лингвистике. Вып. 7. Социолингвистика. М., 1975. С. 382–396.
- Земская Е. А., Китайгородская М. В., Розанова Н. Н. Особенности мужской и женской речи // Язык: система и подсистемы: К 70-летию М.В. Панова. М., 1990. С. 224–240.
- Крысин Л. П. Социолингвистические аспекты изучения современного русского языка. М., 1989. С. 76–79 (Разд. «Молодежный жаргон»).
- Лабов У. Исследование языка в его социальном контексте // Новое в лингвистике. Вып. 7. Социолингвистика. М., 1975. С. 96–181.
- Макдэвид-мл. Р. И. Диалектные и социальные различия в городском обществе // Там же. С. 363–381.
- Coupland N., Coupland J., Giles H. Language, Society, and the Elderly: Discourse, Identity, and Aging. Oxford UK: Cambridge USA: Blackwell, 1991. P. 1–24.
- Hudson R. A. Sociolinguistics. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1990. P. 172–176.
- Trudgill P. Sociolinguistics: An Introduction to Language and Society. Harmondsworth: Penguin Books, 1995. P. 62–83.

Дополнительная литература

- Брунер Дж. С. Онтогенез речевых актов // Психолингвистика: Сб. статей. М., 1984. С. 21–49.
- Грановская Л. М. Русский язык в «рассеянии»: Очерки по языку русской эмиграции первой волны. М., 1995.
- Крейдлин Г. Е. Стереотипы возраста // Wiener slawistischer Almanach. Wien, 1996. Bd 37. S. 207–218.
- Лепская Н. И. Детская речь в свете теории коммуникации // Вопросы языковедения. 1994. № 2. С. 82–89.
- Наумова Т. Н. Роль языка в процессе социализации ребенка // Проблемы психолингвистики. М., 1975. С. 125–130.
- Foley W. A. Anthropological Linguistics: An Introduction. Oxford: Blackwell, 1997. P. 286–306 (Ch. 15. Language and Gender), 345–358 (Ch. 17. Language Socialization).
- Romaine S. Communicating Gender. Mahwah, NJ: London: Lawrence Erlbaum, 1999.
- Wolfram W., Fasold R. Field Methods in the Study of Social Dialects // Sociolinguistics: A Reader / Ed. by N. Coupland, A. Jaworski. New York: St. Martin's Press, 1997. P. 89–115.